

— Сдохни! — крикнула леопардоголовая-хвостая шаманка, указывая на Цинь Му бронзовым зеркалом, в отражении которого уже успели появиться злые души.

Дзинь... Внезапно летающий меч уколол зеркало, но, как бы это невероятно не прозвучало, оно не разлетелось вдребезги, а оказалось достаточно прочным, чтобы остановить меч. Тем не менее, Форма Пронзающего Меча тут же изменилась на Форму Бурящего Меча, которая помогла оружию проделать в зеркале дыру. Одна вспышка меча, один пронзённый насквозь труп.

«Шаманский яд? Плевать», — с развешивающейся на ветру одеждой Цинь Му поднял руку в попытке вернуть меч, но очередной шаман, с интенсивно растущими тигриными когтями, шерстью и хвостом, внезапно подняв штормовой ветер, бросился на него, чтобы не дать шанса вернуть оружие.

Цинь Му нанёс удар кулаком, параллельно начав демонстрировать совершенно непредсказуемую работу ног и тела. Два размытия, по крайней мере для неподготовленных глаз, носились туда-сюда, сопровождаемые непрерывающимися звуками резких хлопков от столкновений. Как вдруг шаман, задрав свою тигриную голову, раскатисто рыкнул, в попытке пошатнуть его духи и души...

Цинь Му, слегка разжав кулак в мудру, использовал Луч Солнца, Очищающий Душу Ян в Небе, затем он, резко растопырив все пять пальцев, сложил ладонь во вторую мудру — Мудру Дьявольской Свободы. Его “кулак” и “ладонь”, многократно сменяя друг друга, чередовали буддистские и дьявольские пути. Шаман успел рыкнуть только три раза, прежде чем его души и духи были сокрушены...

Сразу же после этого в бой вступил следующий шаман, а точнее великий шаман области Шести Направлений, с совершенствованием ещё более плотным и могучим, чем у тигриного предшественника. Он мог абсолютно свободно использовать свои божественные искусства и поддерживать нормальную человеческую внешность. Тем не менее, запечатав своё Божественное Сокровище Шести Направлений, как только он применил свою высшую технику, то сразу же превратился в свирепую обезьяну с огромной, толщиной с колонну, золотой дубиной в руках. Благодаря своей безграничной силе он мог, не теряя подвижности и гибкости, смести настоящую тысячную армию.

Цинь Му вытащил бамбуковую трость, направив кончиком к золотой дубине. Две фигуры столкнулись со скоростью молнии, как вдруг дубина замерла прямо посреди своего движения, в то время как её владелец, шаман, с изумлённым выражением лица уставился на постукивающую по его груди трость... Однако, он по-прежнему был великим шаманом области Шести Направлений, а не обычным шаманом. Смекнув, что дело дрянь, он тут же распечатал своё Божественное Сокровище Шести Направлений, но было уже слишком поздно, ведь бамбуковая трость пронзила его сердце. Один выпад, очередной труп нашёл свой вечный покой у земли.

Цинь Му выдернул трость из сердца. В Империи Вечного Мира великие шаманы области Шести Направлений назывались практиками божественных искусств. Помимо названия, между ними практически не было разницы.

Если бы тот практик божественных искусств не запечатал своё Божественное Сокровище Шести Направлений, то, чтобы убить его, пареньку пришлось бы похлопотать. Но, находясь с

ним в одной и той же области... Скажем так, Цинь Му сможет убить любого, кто во время боя будет находиться в одной с ним области, а какая там у последнего истинная область, Шесть Направлений, Семь Звёзд, неважно!

Донн...

Золотой коренастый мужчина, из-за спины которого выглядывал нож, длинной практически со два человеческих роста, внезапно подпрыгнул и тяжело ухнулся неподалёку от врат. Взглянув на юного противника и взревев, он выпустил из ножен множество подменивших собой небо мерцающих ножей, которые мрачными тенями нарезали в сторону цели.

К тому же золотой мужчина держал по гигантскому ножу в каждой руке, нанося ими рубящие удары в сторону паренька. Два ножа иногда оказывались впереди, а в другое время позади, кружась подобно двум огромным питонам, пытающимся пожрать свою добычу.

Цинь Му держал один нож для убоя свиней обычным хватом, а другой обратным, в то время как из ножен меча вылетали клинки, которые сталкивались с режущими к нему ножами-тенями.

Нет Худа Без Добра!

Великан и человек, здоровяк и коротышка, взрослый и ребёнок — мужчина практически в два раза превосходил рост Цинь Му. Когда сражающиеся сошлись в ближнем бою, промелькнули две ножевые вспышки, одна сделала росчерк по горизонтали, а другая по вертикали... горизонтальная — гора, вертикальная — горная погибель... кроваво-красная крестовая вспышка ножа, словно нанесённая древним исполином, рванув за пределы горного утёса, устремилась к далёкому горизонту. Тело золотого коренастого мужчины было рассечено этими горизонтальным и вертикальным вспышками на четыре части...

Цинь Му взмахнул ножами, стряхивая кровь с крайне гладких лезвий, затем ухватил их обратным хватом и, заведя руки за спину, поместил в ножны. Как вдруг он поднял уже освободившуюся руку, указывая в определённом направлении. Туда тут же просвистел мигмом покинувший ножны летающий меч, в итоге пронзая голову шамана в точке меж бровей. Тот бедолага пытался сделать прицельный выстрел из лука, а зря.

— Убейте его! Мы должны отомстить за наших старших и младших братьев!

Множество шаманов, один за другим, выходили вперёд на бой, но всё было бестолку. Цинь Му, используя нож, меч, кулаки и ноги, убивал каждого посмеявшегося бросить вызов претендента.

Спустя некоторое время над горной вершиной повисла гнетущая тишина. На золотой лестнице, находящейся перед горными вратами золотого дворца, было разбросано более сорока холодных тел...

Цинь Му опустил взгляд, только чтобы увидеть множество перепуганных лиц и полных ужаса глаз. Когда его взгляд пересекался со взглядом того или иного шамана, тот всегда отводил глаза в сторону, не смея смотреть прямо на него.

Шаманы считались волевыми личностями, однако, после устроенной им резни, сорока сражений без передышки, одного убийства за другим, воля и дух пошатнутся у кого угодно. Подловив сей период слабости, малодушия и продолжив давить, напирать и снова давить, последние неизбежно перерастут в страх... страх от неспособности одолеть противника... страх, переходящий в уважение!

После увиденного во время недолгого путешествия по прерии, Цинь Му разозлился на Дворец Золотой Орхидеи. В момент, когда генерал Тожиму приказал солдатам собрать души взбунтовавшейся армии, чтобы затем предложить их дворцу, он ещё не был до конца уверен в своих догадках. Но теперь... только дурак бы не понял, что практики дворца используют души умерших для наращивания силы.

Несмотря на то, что сейчас он прибыл сюда с целью вернуть половину тела мясника, а не блокировать ворота, между ними уже вспыхнула непримиримая вражда. Так почему бы тогда не довести дело до конца, уничтожив дух и волю секты, смешав с грязью их техники и навыки, пошатнуть уверенность в самой правильности уклада жизни? Может хоть это заставит их понять, что используемые ими божественные искусства, зиждущиеся на бесчеловечном использовании людских душ, чёртов мусор!?

— Кто из вас использует Великие Шаманские Писания Жуда? — спросив, Цинь Му окинул толпу холодным взглядом, после чего его губы изогнулись в невинной улыбке. — Ну, давайте же, хоть кто-то, я хотел бы убить ещё одного.

Гробовая тишина перед горными воротами. Между тем, за горными воротами, выражения золотых великих шаманов дворца постепенно мрачнели, как вдруг вперёд вышел юноша.

— Сымуру, вторая часть левого плеча, в ней кроется его слабость, связанная с техникой совершенствования, — гулким тоном проговорил великий шаман средних лет.

— Я уже заметил её, просто не мог определить точное место. Шаман Король, благодарю за наставления, — серьёзно ответил юноша.

— Шаман Король, будучи старшим, разве ты поступил не слишком жалко? — помрачнев лицом, оскалился в хищной улыбке Ба Шань.

— Хан Боевых Искусств, прошу! — великий шаман средних лет неловко указал рукой. — В прошлом я был побеждён тобой, что постоянно наводило меня на размышления над болезненным опытом, в результате которых моя сила возрастала не по годам. С того самого злополучного дня я всегда мечтал смыть позор минувших лет, и небеса, должно быть, сжалились над мной, отправив тебя к порогу нашего великого дворца.

Канцлер Ба Шань внезапно взмыл к небу, ослепительно засияв в форме огромного, способного расколоть небеса, трёхсотметрового ножа, и улетел вдаль.

— Совершенствование людей перед воротами слишком низкое. Боюсь они погибнут от одних лишь вибраций нашего противостояния. Сразимся на заснеженных горах! — донёсся откуда-то издали голос.

Великий шаман средних лет посмотрел на самого главного великого шамана, который встал и скомандовал:

— Идём!

Свиийшь...

Лучи золотого света пронзили небо, погнавшись за ножевидным светом, направляющимся к заснеженным горам... Среди величественных гор и бескрайней белизны внезапно вспыхнул золотой свет, заставляя снег постоянно таять. В золотом свете порой мелькали снежно-белые ножевые росчерки. Так и было положено начало великой, сотрясающая всё сущее, битве.

Однако, доносясь до врат на горе, отголоски битвы становились бледной тенью — слабые волнения в воздухе и не более — себя прежней.

Под горными вратами дворца, Цинь Му повернулся, чтобы посмотреть на Сымуру, прямо сейчас идущего к нему со стороны священного зала дворца.

Ба Шань выманил собой большинство сильнейших мастеров секты, что явно облегчило задачу по поиску нижней части тела мясника. Хотя... ему, конечно, не стоило забывать, что в священном зале по-прежнему осталось несколько мастеров старшего поколения.

Сымуру, чьё тело тоже отдавало золотом, шёл вперёд с крайне серьёзным выражением лица и со взглядом полным волнительного предвкушения. Всё это время, а именно, пока чужак буквально умертвлял его младших братьев по секте, он просто наблюдал. Конечно, отчасти он поступил так потому, что пытался выяснить есть ли у последнего слабость, но по большей части желая истощить запасы сил противника непрерывающимися сражениями и, как следствие, повысить свои шансы на победу... И теперь, когда он уже обнаружил слабость противника, который к тому же потратил огромное количество сил, убив более сорока человек подряд, пришёл его час.

Выражение лица Цинь Му было подобно спокойным водам древнего колодца — совершенно равнодушным, словно тот и вовсе не пережил недавно более сорока ожесточённых боёв кряду. Как вдруг тела обоих юношей пришли в движение!

С тут же вырвавшейся из-под ног Ци Цинь Му стал способен передвигаться с чрезвычайно высокой скоростью, поэтому уже через мгновение оказался прямо перед Сымуру и обрушил удар кулаком.

Весенний Гром на Одинокое Восточное Море!

Сымуру не стал уклоняться от удара, что послужило причиной разнёсшегося по округе гулко колокольного звона. Цинь Му почувствовал, как его невероятно мощный удар, сравнимый с бурлящим потоком реки, стремительно входящей в море, врезался в нечто-то вроде бронзовой стены, которая не пропустила дальше ни крупинки его силы... Казалось, что тело великого шамана состояло из наипрочнейшего монолитного металла!

Сымуру покачнулся, резко превратившись в птицеголового-крылого человека. Пара выглядывающих из-за спины крыльев, состоящих из неисчислимого количества перьев-мечей, сияли золотым светом. Золотые мечи вдруг дребезжа загудели, сорвавшись в режущем потоке!

Цинь Му, пытаясь уклониться, отступил, а сразу же после извлёк из ножен со спины тучу мечей, которыми решил встретить стремящиеся к нему “перья”. Как вдруг он заметил, что крылья Сымуру были не совсем обычными. Между каждым пёрышком-мечом находилась Ци, соединяющая последних друг с другом. Осознание данного, определённо не предвещающего ничего хорошего, факта заставило его сердце нервно сжаться.

Вьюх!..

Острые мечи, летевшие цельным потоком в форме крыльев, внезапно разделились и со всех направлений устремились к Цинь Му.

На каждом таком золотом мече можно было разглядеть постоянно вращающиеся, смолянисто-чёрные, глазные яблоки. Если коротко, довольно жуткое зрелище. В каждом мече был заключён свой собственный дух, в итоге ставший духом меча.

Цинь Му, взглянув на так называемые “глазные яблоки”, внезапно почувствовал головокружение. Понимая, что дело плохо, он немедленно закрыл свои глаза и вытащил ножи.

Ночная Битва по ту Сторону Бурного Города!

Ножевые всполохи, окружив всё его тело с целью помешать золотым мечам продвинуться дальше, двигались с завидными быстротой и проворностью. В исполненном им навыке ножа было два ключевых, по крайней мере для данной ситуации, слова — “Ночная Битва”. Спросите, какой смысл за ними кроется? Тут всё просто, для использования данного навыка было не обязательно смотреть, чтобы следить за окружением.

Мечи Сымуру двигались крайне специфично, а когда кто-то пытался на них посмотреть, он тут же попадал в ловушку. Поэтому только что принятое Цинь Му решение было единственно верным.

«Писания Жуда, несмотря на свою необычность, крайне демонические», — с такими мыслями Цинь Му скрестил своё оружие с мечами противника, мгновенно ощутив, что за ними стояло меньше сил, чем за его ножами. Сильной стороной школы боевых техник являлось оружие, всегда находящееся непосредственно в руках практика, что позволяло ему продемонстрировать полную силу.

Золотые мечи Сымуру были подавлены Ночной Битвой по ту Сторону Бурного Города, вынуждая последнего вернуть их обратно к себе за спину в форме крыльев и тут же взмахнуть, чтобы заблокировать все мечи, которые в него отправил противник.

Как вдруг Цинь Му, разжав ладони, в которых держал ножи, нанёс удар кулаком, напоминающий огромное солнце в небе, что своими лучами очищало душу ян. Сымуру омыло сиянием навыка кулака, в итоге слегка пошатнувшим разум, однако, данный ход практически не повлиял на его движения, разве что от ослепительного солнечного света на мечах закрылись глазные яблоки и жалко завизжали, обратившись зелёной дымкой.

Между тем, Цинь Му своей второй рукой исполнил Мудру Дьявольской Свободы, но, казалось, Сымуру было абсолютно всё равно. Великие Шаманские Писания Жуда использовали души других людей в качестве “ингредиентов” для совершенствования, тем самым делая души использующих их практиков несравненно стабильными.

Тело Сымуру тоже было пугающе прочным, его даже не брали Восемь Громовых Ударов.

Цинь Му слегка нахмурился, неожиданно указав пальцем. Тридцать шесть мечей мгновенно вылетели из ножен, приняли Форму Бурящего Меча и сорвались в сторону Сымуру!